

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Научная статья

УДК 338.28

DOI: 10.18384/2949-5148-2026-1-59-68

ОТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ К ЭТИЧЕСКОМУ ИМПЕРАТИВУ: PRO ET CONTRA ИДЕИ БАЗОВОГО БЕЗУСЛОВНОГО ДОХОДА

Буренков С. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: sergeivburenkov@gmail.com

Поступила в редакцию 24.11.2025

После доработки 18.12.2025

Принята к публикации 29.12.2025

Аннотация

Цель. Провести комплексный анализ базового безусловного дохода (ББД) как многоаспектного социально-экономического механизма, систематизируя ключевые аргументы в его пользу и потенциальные риски его реализации в контексте структурных изменений на рынке труда, инициированных развитием технологий ИИ.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ широкого спектра теоретических аргументов, сгруппированных по тематическим областям (экономика, социальная психология, политика). Методология, помимо сравнительного анализа доводов «за» и «против», включает также рассмотрение практических аспектов дизайна и финансирования ББД на основе существующих теоретических моделей и имеющихся экспериментов.

Результаты. Установлено, что ББД может представлять собой комплексную меру, обладающую выраженным потенциалом в качестве инструмента адаптации к автоматизации, экономической стабилизации и «когнитивного освобождения». Одновременно выявлены существенные риски, включающие инфляцию, бюджетный дефицит, социальную сегментацию, кризис трудовой идентичности и возможность политических злоупотреблений.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в систематизации разрозненных аргументов о ББД в целостную многоаспектную модель, что обновляет и структурирует проблемное поле. Практическое значение исследования состоит в идентификации ключевых вызовов для проектирования ББД (финансирование, размер выплаты, борьба со стигматизацией), что может служить основой для разработки конкретных политических решений и прикладных экспериментов.

Ключевые слова: автоматизация, базовый безусловный доход, государство благосостояния, социальная политика, технологическая безработица, экономическая стабилизация

Для цитирования:

Буренков С. В. От экономической целесообразности к этическому императиву: pro et contra идеи базового безусловного дохода // Современные философские исследования. 2026. № 1. С. 59–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-59-68>.

Original research article

FROM ECONOMIC EFFICIENCY TO ETHICAL IMPERATIVE: PRO ET CONTRA OF THE BASIC INCOME

S. Burenkov

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation
e-mail: sergeivburenkov@gmail.com

Received by the editorial office 24.11.2025

Revised by the author 18.12.2025

Accepted for publication 29.12.2025

Abstract

Aim. To conduct a comprehensive analysis of a basic income (BI) as a multifaceted social-economic mechanism, systematizing positive key arguments and the potential risks of its implementation in the context of structural changes in the labor market initiated by the development of AI technologies.

Methodology. A wide range of theoretical arguments, grouped by thematic areas (economics, social psychology, politics), were primarily analysed in the study. In addition to a comparative analysis of pros and cons, a consideration of the practical aspects of the design and financing of a BI based on existing theoretical models and existing experiments was also used in the study.

Results. It has been established that a BI can represent a comprehensive measure with significant potential as a tool for adaptation to automation, economic stabilization, and “cognitive liberation.” Significant risks, including inflation, budget deficits, social segmentation, a crisis of labour identity, and the potential for political abuse, were also identified.

Research implications. The theoretical significance of the study consists in systematizing disparate arguments about BI into a coherent, multifaceted model, which updates and structures the problematic field. The practical significance of the study lies in identifying key challenges for BI design (financing, benefit size, combating stigma), which can serve as a basis for developing specific policy solutions and applied experiments.

Keywords: automation, basic income, welfare state, social policy, technological unemployment, economic stabilization

For citation:

Burenkov, S. V. (2026). From Economic Efficiency to Ethical Imperative: Pro Et Contra of the Basic Income. In: *Contemporary Philosophical Research*, 1, 59–68. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-1-59-68>.

Введение

Под базовым безусловным доходом (далее – ББД) понимается денежная выплата, безоговорочно представляемая гражданам на регулярной основе¹. Выделяют пять его ключевых признаков:

1) периодичность: выплата не является единовременной и осуществляется через равные промежутки времени (например, ежемесячно);

2) денежный характер: выплата производится в денежной форме, а не в виде ваучеров, услуг, продуктовых пайков и т. п.;

3) индивидуальность: выплата назначается физическому лицу, а не домохозяйству в целом;

4) универсальность: выплата причитается всем без исключения;

5) безусловность: выплата не зависит от уровня дохода или наличия активов, а также от трудового статуса гражданина или его готовности к работе.

¹ About basic income [Электронный ресурс]. URL: <https://basicincome.org/about-basic-income> (дата обращения: 11.10.2025).

Несмотря на кажущуюся простоту и чёткость, эти критерии, в особенности универсальность, часто становятся предметом дискуссий среди исследователей, которые по-разному, иногда существенно по-разному, их интерпретируют [1, с. 829].

Введение ББД: аргументы за и против

Аргументы как за, так и против введения ББД весьма многообразны. Их можно условно сгруппировать в зависимости от преобладающего аспекта: экономические, социальные, политические, психологические, этические и т. д. Цель такой классификации – не создание таксономии ради таксономии, а демонстрация комплексного и широкомасштабного влияния ББД, которое в случае реализации данного механизма коснётся практически всех сфер общества.

Представляется, что аргументы внутри каждой группы тесно взаимосвязаны и образуют сеть, в которой часто можно выделить центральный аргумент или тезис, служащий точкой кристаллизации для производных идей. Например, центральный тезис экономической группы таков: ББД – это прозрачная и, возможно, наиболее эффективная мера адаптации к структурным изменениям на рынке труда, вызванным развитием и внедрением ИИ.

Обоснование данного тезиса выглядит следующим образом. Можно предположить, что расширяющаяся автоматизация приведёт к сокращению спроса на отдельные виды труда в силу потери ими экономической целесообразности, что обернётся массовой ликвидацией рабочих мест. Резкое снижение платёжеспособности граждан и их вытеснение из экономики породят комплекс острых социально-экономических проблем, которые будут усугублять социальную поляризацию и сегрегацию: немногочисленные группы, связанные с разработкой и контролем технологий ИИ, будут увеличивать своё благосостояние, а более широкие слои населения рискуют оказаться за чертой бедности

[2, с. 13–14]. В этой ситуации ББД обещает стать решением, обеспечивающим гражданам постоянную финансовую поддержку и ресурсы (психологический комфорт, свободное время и т. д.) для адаптации к новым условиям, играя тем самым роль амортизатора социальной напряжённости.

Кроме того, сокращение доходов населения в наиболее уязвимых для автоматизации отраслях на фоне роста эффективности производства может привести к падению совокупного потребительского спроса. ББД способен поддержать базовый уровень покупательной способности, что стабилизирует рынки товаров и услуг как произведёнными традиционными методами, так и с помощью ИИ. Другими словами, ББД может рассматриваться как инструмент экономической стабилизации, который через стимулирование спроса позволит поддержать потребление и избежать кризиса перепроизводства.

Впрочем, подобное видение роли ББД восприимчиво к критике. Вполне возможно, что эта оптимистичная картина далека от реальности, и введение ББД чревато негативными экономическими последствиями. Так, реализация данной инициативы – дорогостоящее мероприятие, требующее колоссальных бюджетных ассигнований, что, вероятно, повлечёт за собой повышение налогов. Это негативно скажется на благосостоянии граждан и создаст неблагоприятные условия для развития малого бизнеса и технологического сектора, подавив инновационную динамику. Кроме того, введение ББД, скорее всего, приведёт к росту государственного долга и дефицита бюджета [3, с. 28–29].

Помимо этого, вброс денег в экономику – чем, по сути, является ББД – без сопоставимого роста производства товаров и услуг сопряжён с риском инфляции. Их поставщики, зная, что население располагает средствами от гарантированного дохода, могут инициировать повышение цен. В результате номинальный доход граждан вырастет, но их реальная покупательная способность останется прежней или даже снизится.

Роль ББД в амортизации социальной напряжённости также ставится под сомнение. Вполне допустимо предположить, что его внедрение может привести к сегментации общества по оси конфликта между «донорами» и «реципиентами» – работающими налогоплательщиками и теми, кто живёт на базовый доход. Здесь возрастает риск эрозии трудовой этики, основанной на меритократическом идеале, в той или иной степени укоренённом в культуре многих современных обществ. Становятся также представляемыми инициативы по ограничению гражданских прав и свобод «реципиентов» под предлогом восстановления социальной справедливости, что может усугубить проблему неравенства, придав ей радикальную, антиутопическую форму.

Тем не менее, у ББД есть и потенциальные положительные экономические эффекты. Например, его можно рассматривать как средство демократизации доступа к предпринимательской деятельности. Логика аргумента: наличие гарантированного дохода может побудить большее число граждан организовать собственное дело, заняться инвестированием и т. п., поскольку они будут располагать финансовой «подушкой безопасности» [4, р. 287]. Если это так, то вполне резонным было бы ожидать ускорения технологических и культурных инноваций.

Далее, ББД – это инструмент, который позволяет признать ценность «невидимого» труда: ведения домашнего хозяйства, воспитания детей, ухода за пожилыми родственниками [5, с. 34], создания некоммерческого интернет-контента и т. д. В данном пункте экономические соображения сливаются с вопросами социальной справедливости, формируя образ гуманистической экономики, функционирующей в интересах общества в целом.

Такая экономика не ограничивается оплатой «невидимого» труда. Например, ББД можно рассматривать как весьма эффективный просоциальный механизм в условиях рентного капитализма, т. е. как законный инструмент распределения

рентного дохода от технологических благ в пользу всего общества, а не узкого круга собственников. В этом смысле дивиденды от прогресса, достигнутого благодаря труду прошлых и нынешних поколений, могут послужить средством защиты от своеобразной «технофеодализации» – ситуации, когда владельцы технологий ИИ, присваивая сверхприбыль, создают между собой и остальным обществом непреодолимую пропасть в уровне жизни и экономических возможностях, что подрывает социальный консенсус.

В целом, следует заметить, что ББД может предоставить финансовую основу для экспериментов с новыми экономическими моделями, основанными на доверии, репутации и социальном капитале (например, р2р-кооперация, локальные валюты). По сути, речь идёт о создании «песочницы» для тестирования моделей экономики будущего, которые могут оказаться более устойчивыми и человекоцентричными.

Наконец, кажется, что ББД, гарантируя денежный минимум, в некотором смысле снижает абсолютную зависимость человека от рынка в удовлетворении базовых потребностей, что допустимо рассматривать как шаг к их частичной декоммодификации.

Таким может быть приблизительный набор аргументов за и против реализации ББД. Помимо них, как упоминалось выше, существуют аргументы иного плана: от тех, что можно отнести к экзистенциальным или психологическим, до аргументов, которые касаются вопросов политики и социальной эргономики.

Ключевой тезис экзистенциально-психологической группы заключается в том, что ББД может представлять собой, ни много ни мало, один из самых важных шагов на пути к когнитивному освобождению человечества. Суть аргумента такова: постоянная финансовая тревога и жизнь «от зарплаты до зарплаты» создают так называемый “bandwidth tax” – «налог на пропускную способность» мозга. Этот «налог» снижает когнитивные функции, ухудшая способность к долгосрочному планиро-

ванию, принятию взвешенных решений, реализации творческого потенциала, и в целом уровень благополучия в его эмоциональном и гедонистическом срезе [6–8]. ББД возвращает людям ментальные ресурсы, позволяя им более эффективно, рационально и осознанно распоряжаться своей жизнью.

Более того, высвобожденная когнитивная энергия может быть направлена не только на индивидуальные цели, но и на социально значимые проекты: экологические, гуманитарные и т. п. Кажется правдоподобным, что ББД, снизив базовый уровень стресса и конкуренции за экономическое выживание, может создать психологические условия для проявления альтруизма и кооперации. Культивирование «человеческих» компетенций, таких как забота, эмпатия и т. д. в условиях частого или перманентного напряжения, обусловленного трансформациями рынка труда, затруднено. В этом смысле внедрение ББД – это мера по поощрению и развитию человечности в тех её проявлениях, которые, во-первых, сложно формализовать, а во-вторых, несмотря на видимо имеющуюся биологическую подоснову, подвержены атрофии в современной экономической конъюнктуре.

ББД также можно рассматривать в двух взаимодополняющих ролях: как инвестицию в человеческий капитал страны и как инструмент защиты достоинства работника. Кажется верным предположение, что финансовая стабильность граждан коррелирует с лучшими показателями физического и психического здоровья [5, с. 33–34]. Гарантированный доход даёт человеку ресурс не только для сохранения материальной устойчивости, но и для отказа от неприемлемых или унижительных условий труда, которые он ранее был вынужден терпеть из-за отсутствия альтернативы [4, р. 284–285].

Учитывая сказанное, ББД можно представить и как форму патронажа, выступающую катализатором достижений в науке и искусстве. Данный механизм обеспечивает базовую экономическую безопасность

для граждан, которые в иной ситуации не решились бы посвятить себя рискованным, долгосрочным, сложно монетизируемым или изначально некоммерческим проектам в сфере науки, искусства или социального служения.

Однако потенциал «когнитивного освобождения» создаёт и системный вызов. Высвобождение времени и ментальных ресурсов, с одной стороны, может быть направлено на творчество и альтруизм, но с другой – позволяет человеку быть более разборчивым в занятиях. Данное обстоятельство обострит проблему мотивации к малопrestiжному, но социально необходимому труду и, вероятно, спровоцирует дефицит кадров в относящихся к нему областях. Импорт рабочей силы для заполнения образовавшихся вакансий повлечёт за собой дополнительные экономические и социальные издержки. Проблема миграции с целью получения гражданства, гарантирующего ББД [3, с. 28], также может стать серьёзным фактором социальной дестабилизации и веским аргументом в руках противников этой инициативы.

Кроме того, нет гарантий, что граждане, получившие дополнительные ресурсы, направят их на позитивные цели – личностное развитие, творчество, заботу о здоровье или просоциальные инициативы. Вполне вероятен и обратный сценарий, связанный с ростом иждивенческих настроений и деструктивными формами досуга.

Важно заметить, что потенциал ББД в раскрытии творческих способностей, обретении деятельности по призванию и преодолении отчуждения может реализоваться только в том случае, если размер выплаты является достаточным. Он может определяться по-разному: как процент от медианного дохода по стране, как эквивалент прожиточного минимума (с коэффициентом умножения или без), как сумма, обеспечивающая доступ к определённому набору благ и т. д. Выбор той или иной модели покажет, будет ли ББД выполнять функцию инструмента выживания, социальной стабилизации или реаль-

ного освобождения. Неадекватный, чисто символический ББД не только не решит поставленных задач, но и может быть воспринят как грубый политический трюк.

Ещё одно возможное негативное последствие – девальвация роли труда и сопутствующий ей кризис самоидентификации. Несмотря на зачастую эксплуататорский характер, труд для многих людей остаётся ключевым источником социальной идентичности, механизмом структурирования времени, а также каналом, обеспечивающим чувство полезности и связи с обществом. ББД, ослабляя экономическое принуждение к труду, пусть и в его обыденном, рутинном виде, может лишить многих людей готовой идентичности, что усиливает риск возникновения экзистенциального вакуума – во всяком случае, пока не сформируются новые социальные институты, предлагающие иные формы социальной реализации и признания.

Наконец, введение ББД чревато ослаблением сигнальной функции труда. Профессиональная деятельность позволяет людям быстро и подчас довольно точно оценить социальный статус, место в иерархии и круг компетенций собеседника. ББД может сделать эти социальные сигналы менее чёткими, что если и не обернётся социальной дезориентацией, то создаст дополнительные трудности во взаимной идентификации.

Однако в политической плоскости от ББД можно ожидать и позитивных эффектов. Вполне вероятно, что успешная реализация ББД будет воспринята гражданами как жест доброй воли со стороны государства, как доказательство его заботы о благополучии каждого. Это способно укрепить социальный контракт и повысить уровень доверия к институтам, что является фундаментом для гражданской солидарности. Напротив, игнорирование или запоздалое введение ББД, когда данный механизм уже станет нормой в странах-лидерах, может привести к обратному результату.

Значим и аргумент «эргономического» характера. В этом ключе ББД может по-

зиционироваться как средство принципиального упрощения системы социальной поддержки [4, р. 286–287]. Современное социальное государство представляет собой громоздкую бюрократическую машину, которая определяет факт нуждаемости, распределяет пособия и контролирует эти процессы. ББД заменяет множество сложных, нередко противоречивых и дублирующих друг друга программ одним относительно простым и прозрачным механизмом.

Впрочем, следует взглянуть на ситуацию и под иным углом. ББД может провоцировать соблазн простого решения сложных вопросов, которые на самом деле требуют точечных, продуманных мер, а не применения грубого универсального инструмента. Существует и более серьёзная проблема: в отличие от разрозненных социальных программ, отмена или изменение которых затрагивает лишь отдельные группы лиц, ББД касается всех, что делает его рычагом тотального контроля. Правительство, угрожая отменой выплат, может подавлять инакомыслие и обеспечивать лояльность, превращая универсальное право в условную привилегию. Несложно представить и сценарий, когда дискурс вокруг ББД будет использоваться популистскими движениями в целях, далёких от идеалов социальной справедливости.

Разумеется, в теоретической плоскости можно создавать бесчисленное количество аргументов, варьируя условия моделирования. Но как обстоят дела с реальными экспериментами? Насколько существующие попытки реализации инициатив, схожих с ББД, оказались успешными, и что можно заключить на основе их результатов?

Следует отметить, что проведённые эксперименты имели ограниченный характер: либо не соответствовали всем пяти критериям ББД, либо предлагаемые суммы были незначительными [1, с. 830–831; 9, с. 14]. Исключением мог стать «дивиденд свободы» Эндрю Яна¹, однако эта инициатива

¹ The Freedom Dividend, Defined [Электронный ресурс]. URL: <https://2020.yang2020.com/what-is-freedom-dividend-faq> (дата обращения: 16.10.2025).

так и не была реализована [9, с. 15–17]. Тем не менее, даже в усечённом виде подобные меры в целом оказали позитивное влияние на экономическое и психологическое благополучие участников [10, с. 317–318; 11, с. 269–270]. Иными словами, возможно утверждать, что эмпирические данные, пусть и фрагментарные, предоставляют первичные доказательства в пользу некоторых из рассмотренных выше тезисов.

Однако ценность этих экспериментов заключается и в другом обстоятельстве. Несмотря на ограничения и скромный масштаб, они служат важным инструментом интеграции идеи ББД в общественное сознание. Для политиков, теоретиков и активистов такие эксперименты – это точка отсчёта. Кажется, что для того, чтобы идея воплотилась в жизнь, она должна утратить налёт диковинности и перестать восприниматься как утопическая или маргинальная фантазия.

Впрочем, упомянутые обнадеживающие результаты далеко не всегда транслируются в публичное поле, где наряду с доброжелательным отношением к инициативе заметен и весьма ощутимый скепсис [5, с. 39–43]. Зачастую имеет место примитивизация идеи: ББД отождествляют с обычным пособием, в том числе по безработице. В такой оптике предполагается, что государство расходует налоги на поддержку граждан, которые не работают не по объективным причинам, а в силу личного нежелания, т. е. лени. Подобное поведение стигматизируется как паразитическое, а его носители получают ярлыки «нахлебников» или «дармоедов» [11, с. 260]. Безусловно, силу этого отношения, уходящего корнями в глубокую эволюционную историю, недооценивать не следует. Впрочем, как и его способность к трансформации [12, с. 148–156].

Подчас такие оценки могут быть оправданы в конкретных случаях, однако следует учитывать несколько моментов. Во-первых, критические замечания легко высказывать, находясь в сильной позиции – имея работу и стабильный доход. В случае их утраты по объективным причинам (например, в силу

автоматизации и внедрения ИИ) мнение сегодняшнего критика может измениться. Во-вторых, консерватизм и настороженное отношение к новому понятны, но сами по себе не являются достаточным основанием для дисквалификации идеи. В-третьих, люди могут затрудняться с объективной оценкой механизма до получения прямого опыта взаимодействия с ним. В-четвёртых, неэкспертное мнение, *ceteris paribus*, обладает меньшим весом, чем мнение специалистов [11, с. 264–266]. Наконец, в-пятых, ББД – это не пособие в его традиционном понимании.

Ключевые отличия – универсальность и безусловность, нехарактерные для традиционных пособий. ББД полагается каждому гражданину независимо от уровня дохода, состояния здоровья, состава семьи, индивидуальных достижений или иных обстоятельств, обычно связанных с дополнительными выплатами. Кажется, что это делает идею ББД сущностно иной. Как уже было сказано, её можно позиционировать в качестве механизма более справедливого распределения благ, создаваемых технологическим прогрессом, и признания форм участия в их производстве, которые ранее не учитывались.

Кроме того, существует менее очевидное обстоятельство. Традиционные пособия, помимо позитивной функции, влекут за собой и риск: они могут стигматизировать получателей, оформляя их в класс «профессионально нуждающихся» и цементируя в этом статусе [2, с. 17]. Насколько этот риск актуален для ББД – вопрос дискуссионный, однако прямое, одношаговое перенесение данной логики выглядит ошибочным: маловероятно, что получатели ББД, т. е., по замыслу, все граждане, составят монолитный класс иждивенцев.

Следует также отметить, что сама идея ББД не является застывшей догмой, её содержание может претерпевать метаморфозы. Так, универсальность может рассматриваться как недостаток, когда речь заходит о выплатах богатым и сверхбогатым гражданам [9, с. 17; 13, с. 217–218]. Кажется очевидным, что такие граждане

не нуждаются в дополнительных финансовых вливаниях, и данные средства можно перераспределить. Однако справедливо ли это? Какова действительно веская причина лишать их права на выплату, которое предоставляется всем на равных основаниях? Кроме того, учитывая малочисленность указанной группы лиц, экономия от их исключения будет незначительной и вряд ли оправдывает отход от принципа универсальности и реализацию усечённого варианта справедливости, т. е. оксюморонной «справедливости не для всех».

Дизайн ББД порождает другие открытые вопросы, связанные с:

1) началом выплат (с рождения или с совершеннолетия);

2) размером и охватом (одинаков ли размер выплаты для всех категорий граждан, имеют ли на неё право заключённые);

3) формой выплаты (допустимо ли использовать «умные деньги» с ограничением на покупку алкоголя, табака, услуг букмекеров и т. п.);

4) добровольностью (должна ли существовать опция отказа от выплаты, если гражданин по тем или иным причинам не считает для себя необходимым её получать).

Конечно, это далеко не полный список, однако даже решение указанных вопросов требует взвешенного экспертного подхода. Так, в случае реализации механизм отказа от выплаты может быть подвержен злоупотреблениям и оказаться «добровольно-принудительным» посредством навязанных инициатив или акций, неформального давления со стороны третьих лиц и т. д. Внимание к деталям и глубокая экспертиза тем более важны, поскольку очень вероятно, что ББД, будучи реализованным, быстро станет восприниматься как норма. Другими словами, отменить его окажется сложнее, нежели ввести [9, с. 17].

Наконец, говоря о ББД, важно избежать нереалистичных ожиданий. Не следует видеть в нём «волшебное снадобье», решающее все социальные проблемы без каких-либо побочных эффектов, но и вряд ли было бы оправданным считать его «со-

циальным ядом», неминуемо ведущим к апатии и иждивенчеству.

Вероятно, что среди получателей ББД проявится весь спектр поведенческих моделей – от деструктивных до просоциальных. Другими словами, поведенческие репертуары, скорее всего, будут теми же, что наблюдаются в настоящее время. Вопрос не в том, исчезнут ли негативные практики (нет), а в том, как изменится их количественное соотношение с практиками позитивными. Общемировая тенденция в этом срезе обнадёживает [14; 15; 16, с. 297], и ББД вряд ли развернёт её вспять. Задача заключается в том, чтобы понять, насколько успешно данная инициатива встроится в существующих тренд. Возможные пути для этого – дальнейшие локальные эксперименты и моделирование с помощью ИИ.

Заключение

Мотивы и предпосылки для введения ББД, как представляется, созреют по мере того, как внедрение ИИ приведёт к ликвидации многих рабочих мест. Количество новых вакансий может оказаться недостаточным, чтобы поглотить высвободившуюся рабочую силу¹, а быстрое устаревание навыков сделает массовое переобучение проблематичным [13, с. 182–185], особенно для работников старшего возраста. Последнее обстоятельство кажется особенно важным. Так или иначе, даже временная технологическая безработица, особенно в связке с ним, способна спровоцировать острый социальный кризис, что актуализирует поиск действенных мер поддержки и адаптации. Вряд ли допустимо игнорировать факт, что речь идёт о судьбах реальных людей.

Конечно, одним из самых сложных вопросов является финансирование. ББД – это дорогостоящая инициатива. Помимо перераспределения средств от упраздняе-

¹ Впрочем, прогнозы экспертов Всемирного экономического форума (World Economic Forum) на этот счёт довольно оптимистические. См.: Future of Jobs Report 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_Report_2025.pdf (Дата обращения 19.10.2025).

мых социальных программ, часть финансирования можно получить, например, за счёт специальных налогов на игорный или табачный бизнес и т. п. Однако кажется вероятным, что острота этого вопроса будет снижена за счёт общего повышения производительности и удешевления производства товаров и услуг в результате автоматизации и развития технологий (например, 3D-печати). Потенциально это позволит создать более широкую налоговую базу – обложить налогом самих роботов [11, с. 389–392], вследствие чего образуется достаточно большой финансовый ресурс для обеспечения ББД без непосильного бремени для экономики.

Однако в свете растущей роли ИИ возникает и другая проблема. Если произ-

водство благ и распределение ББД будут полностью вверены ИИ, данная система станет критическим важным «симбионтом» общества. Контроль над этим симбионтом превратится в задачу, сопряжённую с высокими рисками: его сбой грозит тотальным коллапсом. Но сопротивление прогрессу бесперспективно, и цена за будущее процветание – это принятие новых рисков. Таким образом, дискуссия о ББД смещается с вопроса «возможно ли это?» к вопросам «какой именно дизайн будет наиболее эффективным?» и «как управлять рисками новой социально-экономической парадигмы?». Это уже не спор об утопии, а сложная задача инженерного и политического проектирования будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филипова И. А., Стешина О. М. Введение безусловного базового дохода как вероятное следствие интеллектуальной автоматизации сферы труда // *Russian Journal of Economics and Law*. 2024. № 18 (3). С. 824–841. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.824-841.
2. Ван Парайс Ф., Вандерборхт Я. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 440 с.
3. Одинцова Е. В., Черных Е. А., Чащина Т. В. Практические аспекты введения безусловного базового дохода и его влияние на сферу занятости: оценки экспертов и целевых категорий населения // *Труд и социальные отношения*. 2022. Т. 33. № 5. С. 19–36. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-5-19-36.
4. Ramon Y. *Universal Basic Income: Ideological Debate and Evidence from Iran, Alaska, and Switzerland* // *World Review of Political Economy*. 2025. Vol. 16. № 2. P. 281–309. DOI: 10.13169/worlrevipoliecon.16.2.0005.
5. Кислицына О. А. Введение системы безусловного базового дохода: что думают россияне? Кто «за», кто «против»? // *Вестник института экономики Российской академии наук*. 2019. № 3. С. 32–47. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10030.
6. *Poverty Impedes Cognitive Function* / A. Mani, S. Mullainathan, E. Shafir, J. Zhao // *Science*. 2013. № 341 (6149). P. 976–980. DOI: 10.1126/science.1238041.
7. Mullainathan S., Shafir E. *Scarcity: The New Science of Having Less and How It Defines Our Lives*. New York: Holt Paperbacks, 2014. 304 p.
8. Schofield H., Venkataramani A. S. *Poverty-Related Bandwidth Constraints Reduce the Value of Consumption* // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2021. Vol. 118. № 35. DOI: 10.1073/pnas.2102794118.
9. Квашнин Ю. Д. Базовый доход как ответ на новые экономические вызовы // *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. 2020. № 3. С. 13–23. DOI: 10.20542/afj-2020-3-13-23.
10. Квашнин Ю. Д. Зарубежные эксперименты с безусловным базовым доходом: подходы, результаты, интерпретации, уроки для России // *Уровень жизни населения регионов России*. 2021. Т. 17. № 3. С. 314–326. DOI: 10.19181/spr.2021.17.3.2.
11. Кинг Б., Пэтти Р. *Техносциализм: как неравенство, искусственный интеллект и климатические изменения создают новый миропорядок*. М.: Олимп-Бизнес, 2023. 478 с.
12. Черчленд П. *Совесть: происхождение нравственной интуиции*. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 320 с.
13. Форд М. *Власть роботов: как подготовиться к неизбежному*. М.: Альпина нон-фикшн, 2022. 326 с.
14. Пинкер С. *Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше*. М.: Альпина нон-фикшн, 2020. 952 с.

15. Пинкер С. Просвещение продолжается: в защиту разума, науки, гуманизма и прогресса. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 632 с.
16. Курцвейл Р. Революция разума: на подступах к Сингулярности. Как технологии изменят общество и сознание. М.: Эксмо, 2025. 560 с.

REFERENCES

1. Filipova, I. A. & Steshina, O. M. (2024). Introduction of Unconditional Basic Income as a Probable Consequence Caused by Intellectual Automation of the Labor Sphere. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 18 (3), 824–841. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.3.824-841 (in Russ.).
2. Van Parijs, P. & Vanderborght, Y. (2020). *Basic Income: A Radical Proposal for a Free. Society and a Sane Economy*. Moscow: Higher School of Economics publ. (in Russ.).
3. Odintsova, E. V., Chernykh, E. A. & Chashchina, T. V. (2022). Practical Aspects of the Introduction of Unconditional Basic Income and Its Impact on Employment: Expert Assessments and Target Categories of the Population. In: *Labour and Social Relations*, 33, 5, 19–36. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-5-19-36 (in Russ.).
4. Ramon, Y. (2025). Universal Basic Income: Ideological Debate and Evidence from Iran, Alaska, and Switzerland. In: *World Review of Political Economy*, 16 (2), 281–309. DOI: 10.13169/worldreview-policon.16.2.0005 (in Russ.).
5. Kislitsyna, O. A. (2019). Introduction of a Universal Basic Income System: What Do Russians Think? Who Is for and Who Is Against? In: *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 3, 32–47. DOI: 10.24411/2073-6487-2019-10030 (in Russ.).
6. Mani, A., Mullainathan, S., Shafir, E. & Zhao, J. (2013). Poverty Impedes Cognitive Function. In: *Science*, 341 (6149), 976–980. DOI: 10.1126/science.1238041 (in Russ.).
7. Mullainathan, S. & Shafir, E. (2014). *Scarcity: The New Science of Having Less and How It Determines Our Lives*. New York: Holt Paperbacks publ.
8. Schofield, H. & Venkataramani, A. S. (2021). Poverty-Related Bandwidth Constraints Reduce the Value of Consumption. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118 (35). DOI: 10.1073/pnas.2102794118.
9. Kvashnin, Yu. D. (2020). Basic Income as a Response to New Economic Challenges. In: *Analysis and Forecasting. ИМЕМО Journal*, 3, 13–23. DOI: 10.20542/afj-2020-3-13-23 (in Russ.).
10. Kvashnin, Yu. D. (2021). Foreign Experiments with Unconditional Basic Income: Approaches, Results, Interpretations, and Lessons for Russia. In: *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 17 (3), 314–326. DOI: 10.19181/lsprr.2021.17.3.2 (in Russ.).
11. King, B. & Patty, R. (2023). *The Rise of Technosocialism: How Inequality, AI and Climate Will Usher in a New World*. Moscow: Olimp-Business publ. (in Russ.).
12. Churchland, P. (2024). *Conscience: The Origins of Moral Intuition*. Moscow: Alpina Non-Fiction publ. (in Russ.).
13. Ford, M. (2022). *Rise of the Robots. Technology and the Treat of a Jobless Future*. Moscow: Alpina Non-Fiction publ. (in Russ.).
14. Pinker, S. (2020). *The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined*. Moscow: Alpina Non-Fiction publ. (in Russ.).
15. Pinker, S. (2021). *Enlightenment Now: The Case for Reason, Science, Humanism, and Progress*. Moscow: Alpina Non-Fiction publ. (in Russ.).
16. Kurzweil, R. (2025). *The Singularity Is Near: When We Merge with AI*. Moscow: Eksmo publ. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Буренков Сергей Владимирович (г. Москва) – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета просвещения;
ORCID: 0009-0003-1206-2970; e-mail: sergeivburenkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Burenkov (Moscow) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Federal State University of Education;
ORCID: 0009-0003-1206-2970; e-mail: sergeivburenkov@gmail.com